

А. И. КЛЮЕВ, А. В. СВЕШНИКОВ

**ДИСКУРСНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО РЕКОНСТРУКТОРА¹**
(на материале средневековых клубов исторической реконструкции)

Одной из специфических форм «работы с прошлым», характерной для современной культуры и являющейся, помимо всего прочего, результатом причудливого взаимодействия профессионального исторического с непрофессиональными пост-модернистскими способами, является т.н. движение исторической реконструкции. Появившись в России в конце 1980-х гг. в результате трансфера из западной массовой культуры эта форма «работы с прошлым» получила и получает все большее распространение. В статье анализируются основные формы деятельности средневековых клубов исторической реконструкции, а также культурный механизм формирования социальной идентичности современного российского реконструктора.

***Ключевые слова:** историческая реконструкция, историческая культура, работа с прошлым, средневекизм, дискурсивная идентичность, субкультура, образ прошлого*

По мнению многих специалистов, занимающихся изучением «исторической культуры», современная (постмодернистская) культура отличается многообразием форм конструирования и репрезентации знаний о прошлом. Если попытаться обозначить некую динамику этого состояния, то следует признать, что число форм присутствия прошлого в современной культуре неуклонно увеличивается. По справедливому замечанию Г. Люббе, современная культура очень озабочена прошлым (и не только своим)². Историческая наука среди форм «работы с прошлым» в силу различных причин вовсе не занимает то доминирующее положение, которое она в качестве специализированного общественно значимого экспертного знания о прошлом занимала, хотя бы формально, в обществе Модерна. «Профильные» институции (музеи и архивы) и традиционные (модерные) коммеморативные практики тоже переживают не лучшие времена. Художественная культура, различные формы «работы с прошлым» связанные с современными СМИ (Интернет, реклама) и индустрией развлечений (компьютерные игры, комиксы), с политической и идеологической борьбой в современном обществе оказываются гораздо более успешными, как по охвату аудитории, так и по эффективности конструируемых ими версий и образов прошлого³.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №17-31-00021.

² См.: Люббе 2016. С. 407-410.

³ В качестве примера можно привести паблик в социальной сети «ВКонтакте» – «Страдающее Средневековье», на который подписано, на момент подготовки статьи, более 320 тыс. чел. По инициативе этого сообщества в 2018 г. выходит в серии «История и наука Рунета» книга (см.: Зотов, Майзульс, Харман 2018). Релиз книги

Опять-таки в отличие от Модернистской версии образа истории, подразумевающей наличие «правильной картины прошлого», транслируемой в разных формах через различные каналы коммуникации (грубо говоря, художники говорят о том же прошлом, что и историки, только по-своему), постмодернистская картина прошлого принципиально гетерогенна и несинтезируема. При этом различные формы «работы с прошлым» вступают друг с другом в очень сложные взаимоотношения, с одной стороны, конкурируя друг с другом, но при этом, с другой стороны, дополняя и опираясь друг на друга.

Одна из специфических форм «работы с прошлым», характерная для современной культуры и являющаяся, помимо всего прочего, результатом причудливого взаимодействия профессионального исторического с непрофессиональными постмодернистскими способами, – т.н. движение исторической реконструкции (далее – ДИР). Эта форма «работы с прошлым», появившись в России в конце 1980-х в результате трансфера из западной массовой культуры, получила и получает все большее распространение. Фестивали исторической реконструкции, которые проводятся в разных городах, становятся все более заметными явлениями и даже начинают играть определенную роль в «исторической политике»⁴. Несмотря на недолгую историю существования, движение успело привлечь к себе внимание в качестве объекта исследования представителей самых разных научных дисциплин – социологии, культурной антропологии, философии и т.д.⁵ Однако в этих исследованиях, за исключением статьи Н.С. Божка и В.Н. Ярской, фактически не рассматриваются вопросы о, так сказать, внутренней мотивации участников ДИР: почему и зачем становятся историческим реконструкторами, что они понимают под «историческим прошлым» и «исторической реконструкцией», ее способами, целями и задачами? Другими словами, вопросы, связанные с личной и групповой идентичностью участников

был намечен на 05 февраля 2018 г., однако, если верить записи в группе от 02 февраля, то на эту дату, при тираже книги 3000 экз., было оформлено предзаказов на более чем 5000 экз., из-за чего пришлось перенести дату выхода книги в свет.

⁴ В качестве примеров такого взаимодействия, на федеральном уровне, можно назвать создание в 2012 г. Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество», а также проведения ряда общероссийских мероприятий, таких как «День Бородина», «Поле Куликово» и т.д. На уровне регионального показательно, что многие из реконструкторских фестивалей (например, «Сибирский огонь» в Новосибирске) открывают первые лица региона.

⁵ Литература, посвященная ДИР довольно обширна. См., напр.: Божок 2015; 2016; Божок, Ярская 2014; Дёмина 2012; Донская 2013; 2014; Кадер 2015; Каплуненко 2013; Корнев 2009; Славко 2015; Ткаченко 2011. Среди работ зарубежных авторов стоит в первую очередь отметить следующие: Gapps 2001; Hochbruck 2005; De Groot 2009; Hochbruck 2013; O'Brien Backhouse 2009.

ДИР. В настоящей статье мы попытаемся сугубо предварительно обозначить подход к исследованию этой проблемы.

Понятно, что на формирование идентичности оказывают влияние самые разные культурные, социальные и интеллектуальные контексты, и в результате их влияния сам процесс конструирования идентичности и его результаты оказывают очень вариативными. Не пытаясь объять необъятное или померить «среднюю температуру по больнице», мы решили сосредоточиться на конкретном кейсе определенного локального набора сообществ исторической реконструкции, а именно на существующих в четырех городах Западной Сибири (Новосибирске, Омске, Томске и Тюмени) клубах исторической реконструкции, «реконструирующих» западноевропейское средневековье. Их около десятка. Это такие клубы как «Братина», «Тевтонский орден», «Орден Святого Георгия», «Дагмар» и «Ulffang» в Омске, «Бер», «Северный берег» и «Дом Ордена Святого Иоанна Иерусалимского» в Новосибирске, «Ильвинг» и «Мидгард» в Тюмени, «АБО» в Томске⁶. Кроме того, существует официально базирующийся в Иркутске, но имеющий филиалы практически во всех крупных западносибирских городах клуб «Дортмунд», в полном соответствии с названием «реконструирующий жизнь» немецкого города Дортмунда второй половины XIV – начала XV в. Кроме того, средневековая тематика присутствует и в некоторых «мультивековых» клубах. В целом, средневековый сегмент в ДИР Западной Сибири достаточно заметен и активен. Определить точное число клубов ДИР такого рода непросто, поскольку «организационное формотворчество» реконструкторов «бьет ключом» и регулярно появляются какие-то новые организационные формы.

Безусловно, средневековый сегмент ДИР довольно специфичен и, в силу тематики, стоит особняком в смысле соотношения его с официально декларируемыми направлениями «исторической политики». Но это как раз и дает нам возможность рассматривать полученный в результате его анализа материал как чистый «лабораторный опыт», относительно свободный от всяких примесей. В какой-то степени – это реконструкция в «чистом виде».

Источниками для исследования послужили материалы, собранные в результате полевых включенных наблюдений, интервью с представителями реконструкторского движения, собранные летом-осенью 2017 года, и материалы социальных сетей. Понятно, что биографические интервью – это весьма специфический источник для изучения групповой идентичности. В значительной степени конструирование биографии в нем идет согласно сложившимся правилам и стереотипам био-

⁶ Об истории и социальном составе этих клубов в Омске см.: Дик, Клюев, Свешников, Федяева 2017; Дик 2015.

графического нарратива. Но при этом сам нарратив строится уже в рамках специфического, характерного для конкретного реконструкторского сообщества дискурса и, в силу этого, и он сам уже непосредственно дает определенный материал для анализа процесса конструирования групповой и личной идентичности исторических реконструкторов. Другими словами, для нас важным оказывается, что говорят реконструкторы о себе и как говорят.

Как становятся реконструкторами

В рамках интервью с участниками движения мы, естественно, задавали им вопрос о том, почему и как они стали реконструкторами. При всей вариативности ответов респондентов, в них можно условно выделить следующие общие моменты.

Во-первых, и это, в той или иной степени, характерно для любых автобиографических нарративов, личный путь в реконструкцию описывается как движение, имеющее телеологическую направленность. Получается, что человек всю жизнь шел к реконструкции, накапливая разрозненные, как бы случайные, но оказавшиеся значимыми события. Разумеется, не осознавая «логики жизни». В итоге путь «превращения» приобретает закономерную направленность: иного быть и не могло:

«Наверное, я впитал ее в раннем детстве вместе с фильмами и рассказами, увлекаясь английскими легендами, ну и, конечно же, такими шедеврами отечественного кинематографа, как «Стрелы Робин Гуда», «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго». Я не особо читающий человек, никогда им не был, не могу похвастать прочтением большого количества романов, но помню из детства такую историю: когда елки выносили во двор, мальчишки делали мечи и пики, и делали шлема из картона...»⁷.

«Это было очень давно, я был маленький, любил книжки про рыцарей, всякие исторические книги. А потом как-то во дворе появился друг, он занимался так называемым “ролевым” движением, на пластиковых мечах. Я попробовал, вроде понравилось, но чего-то не хватает. Потом появились бои на железе, тогда я еще не знал, что это реконструкция, “железничниками” называли. Ну и все, затянуло, начал заниматься, тренироваться, потом еще соревнования». «Книжки были: какие-то энциклопедии, на тот момент, детские, наверно, там просто картинки красочные были на тот момент. Точно помню «Что есть что: крестоносцы», она прямо очень сильно в голову влезла. А потом – вообще все подряд фильмы, советские, несюжетские. «Робин Гуд», там еще Высоцкий на озвучке идет...»⁸.

«Потом, короче говоря, получилось так, что в то время я учился, речное училище окончил, потом навигации две отходил, а потом – в армию. И вот эти все рыцари они у меня были, грубо говоря, где-то там на подсознательном каком-то уровне. Я в этот период даже про рыцарей не думал, я просто жил. В армию пошел – опять же, тоже, по жизни очень много суеты»⁹.

⁷ Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017).

⁸ Интервью с респондентом Г (дата записи: 06.06.2017).

⁹ Интервью с респондентом Д (дата записи: 20.06.2017).

В качестве «текстов культуры», оказавшихся значимым вкладом в копилку телеологически заданного опыта, часто называют романы Вальтера Скотта и Роберта Льюиса Стивенсона, голливудский фильм «Викинги» с Кирком Дугласом и Тони Кёртисом в главных ролях, средневековые фильмы С.С. Тарасова, иногда даже вспоминается «Александр Невский» С.М. Эйзенштейна, участие в «толкинистском» ролевом движении. Хотя, понятно, что для представителей разных поколений – условно говоря, позднесоветского и постсоветского – набор текстов будет отличаться. Понятно, что отчасти такая телеология вызвана заданным вопросом, но, представляется, что вполне можно допустить, что вопрос спровоцировал наличную рефлексию.

Во-вторых, несмотря на телеологичность обращения в реконструкторы оно, как полагается в биографическом нарративе, произошло неожиданно и «случайно». Для обращения, как помним из «Исповеди» Августина, необходимо «чудо», неожиданное, случайное, «переворачивающее жизнь» событие. Оно приходило, и после него весь накопленный багаж приобретал смысл. Жизнь представляла в «истинном свете»:

«Однажды летом, сдав сессию, я прогуливался по одной из центральных улиц города, где наблюдал такое мероприятие, похожее на турнир. Оно было организовано не спонтанно, возможно, это был праздник какой-то, я застал уже финал, когда ребята разоблачались. Я идентифицировал доспешные комплексы, людей, познакомился, заобщался и так я и вошел в эту среду»¹⁰.

Получается, что само становление реконструктором осмысливается реципиентами как путь, строящийся на пересечении трех моментов – «любви к истории» (как в целом, так и к конкретному периоду средневековья), очаровывающей «красоты средневековья» и наличия «чувства неудовлетворенности» своей современной жизнью. При этом характерно, что «обращение» происходит примерно одинаково в нарративах людей с разным образованием, гендерным и жизненным статусом, но примерно в одном «культурном возрасте», который условно мы называем «периодом поисков». И в этом плане (но, пожалуй, только в этом) приводимое иногда в научной литературе определение ДИР как молодежной субкультуры¹¹ не лишено оснований.

Чем и как занимается исторический реконструктор

Фактически, «жизнь реконструктора» сводится к двум, циклически последовательным стадиям – проводимые ими мероприятия (турниры и фестивали) и подготовка к ним. Первая из них более значимая и «праздничная», вторая – более продолжительная, рутинная и будничная. В современной литературе, посвященной ДИР, принято выделять два типа реконструкторской деятельности – «живую историю»

¹⁰ Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017).

¹¹ См.: Божок, Ярославская 2014.

(Living History) и историческое фехтование (ИСБ). Сами реконструкторы в основном с такой типологией вполне согласны, но выделение обозначенных форм деятельности характерно для обоих типов ДИР.

Фестивали являются наиболее масштабным и заметным мероприятием, проводимым ДИР. Нельзя быть реконструктором, не участвуя в фестивалях. Их долго ждут, к ним готовятся и т.д.

«Я сшила платьице. А потом, где-то через год, я открыла для себя направленные living history. Не просто фестиваль, каким являлся «Щит Сибири» на тот момент, тут уже началась реконструкция, как эксперимент, и до сих пор продолжается. Это не как приложение к танцам или к мужу, а эксперимент, которым ты занимаешься, он тебе интересен, ты читаешь»¹².

Фестиваль, который реконструкторы описывают преимущественно в положительно эмоционально маркированных (порой, даже восторженных) выражениях, фактически выполняет две функции, преимущественно коммуникативные. Во-первых, здесь осуществляется так сказать публичная репрезентация результатов их деятельности, во-вторых, фестиваль – это место интенсивного праздничного общения со «своими». Отношение к выполнению первой функции среди реконструкторов далеко не однозначно – одни говорят об этом как о главной задаче реконструкторского движения:

«Безусловно, это самовыражение себя, своего мироощущения, и форма общественного служения, потому что каждый год, делая фестиваль, это огромный труд, это занимает два месяца примерно плотной работы, я понимаю, что придут люди, и они будут благодарить за этот праздник. Благодарить не за веселье, не за гулянья, а за то, что это такая маленькая сказка, для детей в том числе. Многие приходят с детьми – возраста у фестиваля нет. И бабушки, и детишки – стараемся всех занять. Я вижу, что это идет в какой-то правильный разрез с тем, что предлагает сейчас мир. Это все живое, это можно потрогать, и это сквозное со временем. И я вижу в этом какую-то сквозную цель, миссию, которая меня вдохновляет. По большому счету, для меня историческая реконструкция – это фестиваль. Потому что да, интересно дома что-то делать, интересно общаться с друзьями, встречаться, быть в какой-то теме информационной, в ней плавать, возможно, даже что-то знать на уровне эксперта. Но фестиваль – это такая вспышка, которая тебя просто рождает, которая дает тебе концентрат жизни и ты можешь им поделиться с другими людьми»¹³.

Другие же оценивают это как необходимую обязанность, выполнение которой хлопотно, не очень радостно и интересно. «От нас это требуют – мы должны это делать». И в этом случае отношение к публике, посещающей фестиваль («гражданским» в терминологии реконструкторов) тоже оказывается весьма прохладным.

«Без зрителей, пока лагерь ставится – это все подготовка. Здесь никто не стареется переодеться и быть при параде, потому что могут испортить ин-

¹² Интервью с респондентками Е (дата записи: 08.07.2017).

¹³ Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017).

струменты аутентичные. Здесь зависит от фестиваля. «Щит Сибири», «Сибирский огонь» – это городские фестивали, грубо говоря, показуха. Здесь элемент шоу. [...] Мы бы вообще забор поставили и никого не пустили. Да. Просто в Сибири еще нет такого количества living history фестивалей, есть два. И мы туда поедем не потому, что любим зрителям рассказывать, что на мне и пр. [...]. Раньше вот лагерь вообще не отгораживался – зрители могли туда зайти, могли зайти к тебе в палатку. Люди даже не думали, что это твои личные вещи, могли сесть за стол, взять твою посуду. Сейчас есть ограждение – мы не допускаем людей в принципе на территорию лагеря, потому что надо понимать, сколько все это стоит и как оно тебе дорого, чтобы ты разрешил человеку выпить из твоей кружки, которая стоит 500 рублей и больше, к примеру»¹⁴.

А вот общение со «своими» практически всеми участниками движения оценивается однозначно положительно. Это и встреча друзей, и совместное обсуждение «своих» проблем, и ночные костры с песнями под гитару. Иногда кажется, что реконструкторы только и ждут, когда «гражданские» покинут их лагерь, чтобы насладиться общением. Разумеется, цель фестиваля не сводится исключительно к дружеским посиделкам у костра (кто-то, например, вполне успешно «делает здесь свой бизнес»¹⁵), но именно они оказываются в эмоциональном самоописании реконструкторов наиболее значимыми.

«Скорее, все это вместе. Это та составляющая реконструкции, которая затягивает все большую массу людей в нее: и романтика вечеров у костра, дружеской беседы, азарт схватки жестокой, адреналин, возможность как-то отгородиться от реальности, попасть в другую атмосферу – и тут же научный интерес. Выезжаешь на фестивали, общаешься с людьми – у всех своя точка зрения. Смотришь, выбираешь, какая точка зрения тебе кажется более верной. Это все вместе. Приходить в это движение из-за чего-то одного – на мой взгляд, это глупо, и ты надолго не останешься, ты уйдешь. Если научный интерес – ты придешь, возьмешь нужное. Тоже от характера зависит. Если спортивный интерес – ты рано или поздно скатишься, у нас такой регресс. Когда я только начал заниматься, увидел, как доспехи мастера делают и сейчас каких высот мастера достигли и какие доспехи делают...»¹⁶.

А поскольку фестивали проводятся исключительно летом, в традиционную пору отпусков (в Западной Сибири – с мая по август), то, получается, что годовой календарь реконструктора делится на две неравные части – долгая подготовительная «зимняя спячка» и праздничное фестивальное лето. Особым «почитанием» часто окрашены и места регулярного проведения фестивалей. Но без подготовительной стадии не обойтись. Она в свою очередь делится на два основных вида реконструкторских практик – тренировки (в первую очередь для представителей ИСБ) и изготовление того, что на языке реконструкторов называ-

¹⁴ Интервью с респондентками Е (дата записи: 08.07.2017).

¹⁵ См.: Клюев, Свешников Движение исторической реконструкции 2018.

¹⁶ Интервью с респондентом Ж (дата записи: 04.08.2017).

ется «историческим комплектом». Есть еще неосновные – работа по организации фестивалей, поиск средств и помещений для клуба, приобретение клубного инвентаря, организация выезда на фестиваль – но в самоописаниях реконструкторов она занимает гораздо меньше места.

Необходимые регулярные тренировки позволяют некоторым реконструкторам описывать ДИР как своего рода спорт. Недаром многие условные ИСБ-шники пришли в реконструкцию из спортивных единоборств. На тренировках, по их словам, должны формироваться как физическая сила, так и технические навыки исторического фехтования. В своих самописаниях реконструкторы часто делают акцент так физических трудностях, которые приходится преодолевать, и с которыми «не все справляются». Реконструкция «не для слабых»! Ну а проводимые в зимнее время турниры в рамках этой спортивной терминологии оказываются своего рода контрольными соревнованиями. Но тренировки, как любят подчеркивать реконструкторы, это не только физические упражнения. Это еще и школа формирования особого командного бойцовского («рыцарского» для средневековых реконструкторов) духа.

Подготовка комплекта имеет более камерный характер. Для допуска к участию в фестивале реконструкторы должны подготовить гражданский и, те, кто участвует в единоборствах, боевой (доспехи и оружие) комплекты (кстати, в единоборствах участвуют не только мужчины, есть и женские «номинации»), причем реконструктор обязан подтвердить «историческую аутентичность» своего комплекта, атрибутировав каждый его элемент. Оценивает аутентичность специальная экспертная комиссия фестиваля, состоящая из наиболее «авторитетных» представителей движения, «внутренних экспертов». В описаниях реконструкторов особенно подчеркивается строгость требований допуска и периодически рассказываются «страшилки», о том, что кого-то, не подтвердившего аутентичность, не допустили на фестиваль, но «живьем» увидеть ни одного «недопущенного» нам пока не удалось.

Комплект (в минимальный гражданский костюм для мужчин, реконструирующих классическое средневековое входят шоссы, брз, камиза) можно купить, а можно сделать самостоятельно. Комплект всегда имеет, по крайней мере на уровне описания, четкую историко-географическую и социально-культурную привязку (например, «дортмундский ремесленник второй половины XIV века» или «шведский викинг IX в.»). Делать можно дома или в специальных «клубных» помещениях (например, кузнице, которая есть почти у каждого клуба – меч дома не выковать). Купить комплект можно у других реконструкторов (страницы в социальных сетях наполнены объявлениями о продажах) либо у мастеров-ремесленников, занимающихся их производством¹⁷. В реаль-

¹⁷ См. об этом: Клюев, Свешников Движение исторической реконструкции 2018.

ности, комплекты большинства реконструкторов оказываются составными – какие-то элементы они купили, какие-то сделали сами. Но идеальный реконструктор должен все сделать сам! К людям, покупающим комплект полностью, относятся с некоторым неодобрением.

В самостоятельном производстве комплекта для многих реконструкторов заключена суть исторической реконструкции. Во-первых, именно в ходе производства реконструктор начинает непосредственно взаимодействовать с прошлым, точнее с информацией о нем: собирает информацию о быте и внешнем виде людей «реконструируемой» эпохи, о форме и материалах, из которых были сделаны предметы их утвари и др. Во-вторых, приобретаются и совершенствуются навыки ручной работы по изготовлению «средневековых» комплектов – шитья, плетения,ковки и т.д. В самоописаниях многие реконструкторы регулярно подчеркивают, что, придя в реконструкцию, они ничего этого не умели, но работая над собой, преодолевая трудности, освоили и теперь получают от этого огромное удовольствие, а иногда и прибыль.

«Вообще ничего не умел. Я был уверен только в том, что я умею бить людей и что на большее я не способен. А тут открылось, что я руками что-то умею делать, что-то получается из ткани. Потом остальные ремесла меня начали увлекать потихоньку, стало интересно что-то руками делать»¹⁸.

«Нет, я не умела шить. Я пришла на средневековые танцы, увидела, что все там в красивых платьях, подумала, что надо бы и мне такое заиметь. Но так как я была студенткой, и стипендия была невелика, и есть другие пути ее потратить, решила, что нужно попробовать как-то сделать самой. И как-то так, не мытьем, а катаньем, путем проб и ошибок поняла, что это – мое. То есть через исторический факультет и такую неисторическую специальность, как делопроизводство, я пришла к тому, чем занимаюсь сейчас профессионально»¹⁹.

«Нет, никакого соответствующего образования у меня, естественно, не было, хотя это неестественно, но не было. А был такой этап в жизни, когда очередной кризис сознания, и вот я взял и решил делать, что хочется, наплевав на все, питаюсь перловой кашей на воде, поскольку не было денег. Просто решил взять и сделать»²⁰.

Таким образом, идеальный реконструктор, согласно самоописанию, это, во-первых, человек знающий историю, а во-вторых, умеющий «работать руками». В рассуждениях участников движения часто встречается некое неявное осуждение людей сугубо «книжного знания», которые умеют красиво говорить, а сами ни разу меча в руках не держали и не очень представляют, как варилось то, что «было в котле у Джона и Мэри».

¹⁸ Интервью с респондентом Ж (дата записи: 04.08.2017).

¹⁹ Интервью с респондентками Е (дата записи: 08.07.2017).

²⁰ Интервью с респондентом А. (дата записи: 05.05.2017).

Учите матчасть. Реконструкторы и историческое знание

В общем, реконструкторы относятся к профессиональной историографии с уважением. Правда, весьма специфически²¹.

В современных самоописаниях участников ДИР порой встречаются воспоминания «ветеранов» о том, как в «доинтернетную» эпоху им приходилось ходить в библиотеку, искать и покупать нужные книги (например, Э. Виолле-ле-Дюка), срисовывать, посещая музеи, нужные элементы конструкции рыцарского доспеха. Причем описывается это если не как подвиг, то как «сверх-усилие». Порой, эти практики получения необходимого знания применяются и сейчас, но основным источником информации о прошлом для современных реконструкторов является Интернет. С определенной долей условности можно сказать, что без Интернета не было бы ДИР в его современном массовом виде. В самой Сети реконструкторы в основном посещают специализированные, создаваемые самими участниками движения, сайты и страницы в социальных сетях²². На них в большом количестве регулярно загружаются в электронном (сканированном) виде как работы профессиональных историков-медиевистов, так и выполненные ими издания (или переводы на русский язык) собственно средневековых текстов²³. Это для реконструкторов основной источник информации и, следовательно, можно сказать, что и от профессиональной историографии как своего рода донора информации, они зависят очень сильно. Следовательно, и без профессиональной историографии, теперь уже без всяких оговорок, исторической реконструкции тоже бы не существовало. Научную литературу, посвященную реконструируемой ими эпохи, исторические реконструкторы знают и читают, воспринимая ее весьма своеобразно.

Во-первых, у реконструкторов существует своя, весьма отличная от той, что является значимой для профессиональной историографии, иерархия типов историков и исторических работ. Наиболее значимыми для них оказываются не историки-«теоретики», создатели теоретически нагруженных концепций, а те, что занимаются реконструкцией предметов быта и материальной культуры. И, вообще, лучшие историки – это археологи, а самые востребованные тексты для реконструкторов – описания археологических коллекций и находок, публикации артефактов материальной культуры, реконструкции различных технологий производства (от оружейных до кулинарных). Показательно, что и сами рассуждения реконструкторов о прошлом оказываются максимально «атеоретичны». Там не только нет «генезиса феодализма» и «дискурса

²¹ См. также: Клюев 2017.

²² О специфике саморепрезентации медиевальных клубов Западной Сибири в Интернете см.: Дик, Федяева 2017.

²³ См. о так называемой «теневой историографии»: Клюев 2017. С. 27-28.

репрезентации власти», но и отсутствует «представительная монархия», «феодалная рента» или «лен». Да и само средневековье, создаваемое реконструкторами, оказывается весьма специфично²⁴.

«Вообще, все, что мы читаем – это труды историков и археологов. Про Исландию я нахожу археологические находки и начинаю их листать, копирую, вставляю, смотрю. Я знаю Митри – он живет в Европе, он русский, и он этим занимается. Копают, все, что находит – постит, выставляет тонкие детали, по типу «вот эта заколка, она отличается от другой тем, что...». Т.е. вот такие тонкие нюансы»²⁵.

«Не сказала бы, что там все так хорошо сохраняется, просто очень много захоронений и очень много сохранений по быту – начиная от топоров и заканчивая табуретками. Т.е. очень много сохранилось того, что можно потрогать. А вот по костюмам очень редкие фрагменты и там крой буквально есть какой-то кусок, который был на платье (там не платье, а сарафан, анкерок назывался) – и ты по нему не поймешь, какой оно было длины, ширины, что там и как. Изображений крайне мало, в основном фигурки, и фигурки валькирий, по которым очень сложно что-то понять. И это все собирается по крупицам. Допустим, на Хедебю есть много захоронений. И раньше были исследователи, которые посмотрели на эти остатки и сделали вывод, что крой был один – распашной. А не так давно появилось исследование, в котором написали, что распашного анкерка не было, были только сплошные, и теперь не допускают на некоторые фестивали с тем кроем»²⁶.

«Археология в исторической реконструкции на том периоде, когда она еще только проходила становление, такой принцип был заявлен «не откопано – значит, не было». Потому что изобразительные источники... То есть все, что не археология, а тем более описательное – не достоверно. К ним нужно проявлять гораздо более критический подход, потому что есть истолкования, особенности изображения, стилистика, т.е. время поработало, а археология она есть – и все, против нее не попрешь»²⁷.

В силу этого получается, что в основе взглядов реконструкторов на взаимодействие с прошлым лежит совершенно классический образ ранкеанского гносеологического режима. История должна воссоздавать «как оно было на самом деле», и это, безусловно, в принципе абсолютно возможно. Были бы источники, и все проблемы решаемы.

Историческое знание реконструкторов оказывается персонифицированным. Достаточно часто в интервью встречается фраза: «Это исследовали современные ученые, фамилии которых я не помню. Они у нас в стране почти неизвестны». Понятно, что за этой формулировкой стоит, с одной стороны, представление о безличностном характере исторического знания – неважно, кто «открыл», главное, что «открыл». С другой стороны, представления о том, что в изучении западноевропейского средневековья ведущие позиции принадлежат западной меди-

²⁴ См.: Ключев, Свешников Основные элементы 2018.

²⁵ Интервью с респондентом З (дата записи: 05.08.2017).

²⁶ Интервью с респондентками Е (дата записи: 08.07.2017).

²⁷ Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017).

евистике, и она не стоит на месте. Медиевальные реконструкторы с большим уважением относятся к работам «западных ученых». Большинство западносибирских медиевальных реконструкторов не читает на европейских языках, но очень переживает по этому поводу, используя либо Гугл-переводчик, либо размещенные в сети переводы, сделанные компетентными в этом вопросе реконструкторами²⁸.

«В интернете есть почти все, даже то, к чему сложно подобраться – европейские музеи: немецкие, Скандинавия. Это все сейчас сфотографировано, все описано. Все исследования, которые проводят зарубежные ученые, выложены в общий доступ. Возникает вопрос с переводом, конечно, потому что некоторые исследования на немецком языке, на шведском. И процесс усложняется тем, что нужно сидеть с Google-переводчиком и переводить. Какие-то книги заказываются из Интернета, не выложенные в общий доступ. Есть огромное исследование Марка Карлсона, по которому, мне кажется, вся Сибирь шьет.

Вот основная масса, чтобы взять и с нуля сшить комплект 14 века, например, уже не так сложно – есть масса групп, где мастер-классы. Нужно просто сесть и посмотреть внимательно. [...].

Да, это началось только в XV веке. А вообще, надо благодарить тех людей, кто начал заниматься этим еще в 90-е гг., потому что, если открыть любой форум, там допустим типа «Килты XV века» – она с 90-х гг. все дополняется, дополняется, и году только к 2000-му пришли к истине, наконец, как надо делать. Поэтому нам остается только искать в нужном направлении. Или брать и с нуля новые находки изучать, что сейчас очень нередко. Переводить, делать какую-то версию на основе этого, потом уже дальше разрабатывать это, и дальше уже люди начинают повторять. Но в Сибири такого, наверно, и нет. [...].

В основном, это англоязычные источники. Но есть в Тюмени ребята, которые занимаются Скандинавией, ранним средневековьем. Они делают не книги, но такие выпуски – газетой это тоже не назовешь, т.е. они делают исследования по погребениям на русском языке. Компилируют разные исследования. [...] Это реконструкторы, но у них образование просто позволяет делать это. Также в Москве есть девушка, которая регулярно переводит исследования на русский язык и выкладывает, как книгу. Это регулярно появляется в Интернете»²⁹.

«Более того – кто-то ездит в Швецию, Британию, Германию в музеи, проводит там работу научную, не являясь научным сотрудником, возвращается, в своем клубе все это культивирует, доносит до людей, а все остальные довольствуются информацией с форумов. ВКонтакте масса групп, где и источники приведены, и сканы из книг, и ссылки, и более того – подробные руководства сейчас существуют, чаще всего – на иностранных языках о том, как было пошито – реконструкция всего и версия. Есть реконструкция – когда все досконально сделано, а есть версия, когда не совсем понятно, как это было, но примерно так, и в среде это допустимо»³⁰.

²⁸ См.: Клюев 2017. С. 27-28.

²⁹ Интервью с респондентками Е (дата записи: 08.07.2017).

³⁰ Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017).

Так что имена большинства историков, чьи работы содержат значимую для них информацию, в памяти у самих реконструкторов не остаются. Редкий случай, когда реконструктор назовет фамилии более двух-трех историков. Иногда, складывается впечатление, что и из текстов работ значимыми оказываются лишь иллюстрации и комментарии к ним. Есть определенный канон имен историков, но он очень невелик.

Историческое знание выступает в самоописаниях реконструкторов в режиме авторитетного готового объективного знания. То, что написано историками в текстах значимой для реконструкции тематики и жанров, оказывается истиной в последней инстанции. Проблемы имплицитного историографического и теоретико-методологического контекста, значимого для профессиональной историографии, для реконструкторов просто не существует. Другими словами, историк может быть хоть неокантианцем начала XX в., хоть марксистом второй половины того же века с точки зрения теоретических оснований своего исследования, а археолог – хоть диффузионистом, хоть эволюционистом, но если он детально реконструировал в своем исследовании процесс покраски ткани для платья, он хороший историк. Лучше бы вообще «не был никем», был «гносеологически наивным эрудитом». В силу этого, любопытно то, как реконструкторы используют важное для них и позаимствованное из лексикона профессиональной историографии слово «источник». Для ДИР базовый смысл этого слова – «источник информации» и, следовательно, источниками реконструкторы называют как средневековые тексты (собственно, «исторический источник» в профессиональном смысле слова), так и работы современных историков³¹.

При этом важнейшими ценностями, на основании которых должна строиться и оцениваться работа с прошлым, для представителей ДИР являются «достоверность», «точность», «аутентичность». Именно с этих позиций достаточно часто представители одних сообществ ДИР оценивают (чаще всего негативно) как деятельность других своих коллег, так и другие формы (например, исторические кинофильмы) репрезентации знаний о прошлом. Любые разговоры о целях или критериях реконструкции в конечном итоге редуцируют к «точно» или «не очень точно», «достоверно» или «не очень». Эти ценности в реальности выпадают из поля саморефлексии. Они абсолютны. А достижение точности – это то, к чему реконструктор должен стремиться, получая от этого удовольствие. Это и важно, и интересно.

Кроме того, следует отметить любопытный парадокс. Придя к реконструкции средневековья под влиянием романтического образа этой эпохи (рыцари, В. Скотт, министрели), существующего в современной

³¹ См.: Клюев 2017.

массовой культуре, реконструкторы в своей «работе со средневековым» оказываются довольно прозаическими. Никаких рассуждений о возрождении духа средневековья (или стремления его «почувствовать»), сознания средневекового человека, его «внутреннего мира» или «чувств». Максимально точная реконструкция материальных «внешних форм» повседневной жизни средневекового человека с получением удовольствия от этого процесса, который оказывается самодостаточным, а его результат является пропуском в мир общения со своими.

«Историческая реконструкция, если в классическом ее понимании – это воссоздание, прежде всего, материальной культуры. Другое дело, что я считаю, и не только я, что воссоздание сугубо материальной культуры бессмысленно без понимания менталитета. С третьей стороны, мы очень, очень, очень приблизительно представляем, что двигало этими людьми. Это такие вещи, где вопросов больше, чем ответов. И оно все, в основном, в некоторой плоскости, где очень много наших фантазий, и они с реальной действительностью связаны как божий дар с яичницей. Поэтому не могу сказать, что мы сможем когда-нибудь точно воспроизвести духовный мир той эпохи»³².

«Поэтому мне сложно сказать, что я на себе ощущаю дух средневековья, ощущаю себя средневековым человеком. Если я даже буду полностью в средневековой одежде, промокну под дождем, буду идти до своего лагеря – я не почувствую себя как человек, живущий в средневековье. Мне казалось раньше, когда я начинала в реконструкции, что это очень романтично – рыцари и все такое. Сейчас я понимаю – нет, рыцари точно такие же парни, которые переоденутся в джинсы. И у них не меняется сознание ... Это, в первую очередь, для меня – эксперимент. Не меняется у меня в голове ничего, когда я передеваюсь»³³.

Ассимилируя импульсы, идущие от различных способов работы с прошлым, дискурс исторического реконструктора их существенно трансформирует.

Основные элементы дискурса самоидентичности ДИР

Сам дискурс, посредством которого идет конструирование групповой идентичности исторических реконструкторов, оказывается довольно гетерогенным – как генетически, так и функционально.

Этот дискурс включает в себя элементы словаря современной городской молодежи, специфически переинтерпретированные термины профессиональной историографии и ключевые слова, являющиеся результатами оригинального словотворчества самих участников движения. Например, занимающиеся реконструкцией раннего средневековья определяются в рамках этого словотворчества как «ранятники», эпохой позднего средневековья – «позднятина», ролевики называются «толчками», «плохие реконструкторы» доинтернетной эпохи – «гобулятина».

³² Интервью с респондентом И (дата записи: 05.08.2017).

³³ Интервью с респондентками Е (дата записи: 08.07.2017).

Функционально дискурс реконструкторов, с одной стороны, обращен вовне и служит для репрезентации реконструкторской деятельности в публичном пространстве. С другой стороны, выполняя функции внутренней коммуникации, он служит средством сплочения сообщества и инструментом сегрегации, маркируя деление на «своих» и «чужих». Не будучи тотально и системно завершенным (это всегда частный языковой режим, непременно требующий сочетания с иными дискурсами) и различаясь во «внешнем» и «внутреннем» варианте, дискурс исторического реконструктора, тем не менее, транслирует определенный набор ценностей, на которых и строится групповая идентичность исторического реконструктора.

Впрочем, говорить о какой-то принципиальной оригинальности этих ценностей вряд ли возможно, поэтому, представляется, что ДИР корректнее определять не как субкультуру, а как возникшее на основании компенсаторного хобби сообщество «культуры соучастия»³⁴.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Божок Н.С. Время исторической реконструкции // *Инновационная деятельность*. 2015. №4 (35). С. 74-80 [Bozhok N.S. Vremya istoricheskoi rekonstruktsii // *Innovatsionnaya deyatel'nost'*. 2015. №4 (35). S. 74-80]
- Божок Н.С. Культура сплоченности: дискурс исторической реконструкции // *Инновационная деятельность*. 2016. № 4. С. 92-104 [Bozhok N.S. Kul'tura splochnosti: diskurs istoricheskoi rekonstruktsii // *Innovatsionnaya deyatel'nost'*. 2016. № 4. S. 92-104]
- Божок Н.С., Ярская В.Н. Перспектива поколения: движение исторической реконструкции // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2014. Т. 14. № 2. С. 19-26 [Bozhok N.S., Yarskaya V.N. Perspektiva pokoleniya: dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2014. T. 14. № 2. S. 19-26]
- Дёмина А.В. Движение исторической реконструкции: пути и решения // *Вестник Костромского государственного университета*. 2012. Т. 18. № 5. С. 45-48 [Demina A.V. Dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii: puti i resheniya // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. T. 18. № 5. S. 45-48]
- Донская В.К. Движение исторической реконструкции как проявление гражданской инициативы // *Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения): Сб. статей*. Чебоксары: «Интерактив плюс», 2014. С. 158-162 [Donskaya V.K. Dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii kak proyavlenie grazhdanskoj initsiativy // *Rossiiskaya intelligentsiya v usloviyakh tsivilizatsionnykh vyzovov (V Arsent'evskie chteniya)*. Sbornik statei. Cheboksary: «Interaktiv plus», 2014. S. 158-162]
- Донская В.К. Событийность в движении исторической реконструкции Волго-Вятского региона // *Русский Сборник. Сер. «Труды кафедры отечественной истории Брянского гос. университета им. акад. И.Г. Петровского»*. Т. 7. Брянск: БГУ, 2013. С. 112-114 [Donskaya V.K. Sobytiynost' v dvizhenii istoricheskoi rekonstruktsii Volgo-vyatskogo regiona // *Russkii Sbornik. Ser. «Trudy kafedry otechestvennoy istorii Bryanskogo gos.universiteta im. akad. I.G. Petrovskogo»*. T. 7. Bryansk: BGU, 2013. S. 112-114]
- Дик А.И. Движение исторической реконструкции в г. Омске: зарождение и развитие // *Древность и средневековье: вопросы истории и историографии: материалы IV Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых*. Омск: ОмГУ, 2015. С. 183-187 [Dik A.I. Dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii v g. Omske: zarozhdenie i razvitiye // *Drevnost' i srednevekov'e: voprosy istorii i istoriografii: materialy*

³⁴ См. об этом также: Каплушенко 2013; Божок 2016.

- IV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. Omsk: OmGU, 2015. S. 183-187]
- Дик А.И., Федяева В.О. Визуальная репрезентация европейского средневековья в виртуальной реконструкторской среде (на материалах клубов исторической реконструкции Западной Сибири) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск: ИПЦ НГУ, Институт истории СО РАН, 2017. С. 13-21 [Dik A.I., Fedyayeva V.O. Vizual'naya reprezentatsiya evropeiskogo srednevekov'ya v virtual'noi rekonstruktorskoi srede (na materialakh klubov istoricheskoi rekonstruktsii Zapadnoi Sibiri) // Aktual'nye problem istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh. Novosibirsk: IPTsNGU, Institut istorii SO RAN, 2017. S. 13-21]
- Дик А.И., Ключев А.И., Свешников А.В., Федяева В.О. Движение исторической реконструкции в Омске: попытка исследования // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 3. С. 319-328 [Dik A.I., Klyuev A.I., Sveshnikov A.V., Fedyayeva V.O. Dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii v Omske: popytka issledovaniya // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. 2017. № 3. S. 319-328]
- Зотов С., Майзульс М., Харман Д. Страдающее Средневековье. Парадоксы христианской иконографии. М.: Издательство АСТ, 2018. 416 с. [Zotov S., Maizul's M., Kharman D. Stradayushchee Srednevekov'e. Paradoksy khristianskoi ikonografii. M.: Izdatel'stvo AST, 2018. 416 s.]
- Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / Под науч. ред. В. Куренного. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 456 с. [Lyubbe G. V nogu so vremenem. Sokrashchennoe prebyvanie v nastoyashchem / Pod nauch. red. V. Kurennoho. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016. 456 s.]
- Кадер А.М. Развитие движения исторической реконструкции на постсоветском пространстве: аналитический обзор литературы // European Social Science Journal. 2015. № 6. С. 237-242 [Kader A.M. Razvitie dvizheniya istoricheskoi rekonstruktsii na postsovet'skom prostranstve: analiticheskii obzor literatury // European Social Science Journal. 2015. № 6. S. 237-242]
- Каплуненко А.Е. Об адекватности термина «историческая реконструкция» в контексте неформального молодежного движения ролевиков // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4 (25). С. 70-76 [Kaplunenko A.E. Ob adekvatnosti termina «istoricheskaya rekonstruktsiya» v kontekste neformal'nogo molodezhnogo dvizheniyar olevikov // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. № 4 (25). S. 70-76]
- Ключев А.И. Исторический источник в пространстве исторической реконструкции (на примере движения исторической реконструкции города Омска) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск: ИПЦ НГУ, Институт истории СО РАН, 2017. С. 22-30 [Klyuev A.I. Istoricheskii istochnik v prostranstve istoricheskoi rekonstruktsii (na primere dvizheniya istoricheskoi rekonstruktsii goroda Omska) // Aktual'nye problem istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh. Novosibirsk: IPTsNGU, Institut istorii SO RAN, 2017. S. 22-30]
- Ключев А.И., Свешников А.В. Движение исторической реконструкции – от хобби к бизнесу. Эссе по экономической антропологии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018 (в печати) [Klyuev A.I., Sveshnikov A.V. Dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii – ot khobbi k biznesu. Esse po ekonomicheskoi antropologii // Neprikosnovennyyi zapas. Debaty o politike i kul'ture. 2018 (vpechati)]
- Ключев А.И., Свешников А.В. Основные элементы образа западноевропейского средневековья в современном движении исторической реконструкции в Западной Сибири. Предварительные замечания // Листападаўскія сустрэчы – XII. 2018 (в печати) [Klyuev A.I., Sveshnikov A.V. Osnovnye element obraza zapadnoevropeiskogo srednevekov'ya v sovremennom dvizhenii istoricheskoi rekonstruktsii v Zapadnoi Sibiri. Predvaritel'nye zamechaniya // Listapadaўskiya sustrechy – XII. 2018 (v pechati)]
- Корнев Д.М. Социальные аспекты движения исторической реконструкции // Вестник ОрелГИЭТ. 2009. №4 (10). С. 133-136 [Korenev D.M. Sotsial'nye aspekty dvizheniya istoricheskoi rekonstruktsii // Vestnik OrelGIET. 2009. №4 (10). S. 133-136]

- Славко М.А. Патриотическое воспитание молодежи и движение исторической реконструкции в современной России // Гуманитарные науки в XXI веке. 2015. № 5. С. 34-40 [Slavko M.A. Patrioticheskoe vospitanie molodezhi i dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii v sovremennoi Rossii // Gumanitarnye nauki v XXI veke. 2015. № 5. S. 34-40]
- Ткаченко Д.В. Социологические аспекты движений исторической реконструкции // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2011. №2. С. 192-197 [Tkachenko D.V. Sotsiologicheskie aspekty dvizhenii istoricheskoi rekonstruktsii // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2011. № 2. S. 192-197]
- De Groot J. Consuming history. Historians and heritage in contemporary popular culture. Abingdon: Routledge, 2009. 292 p.
- Gapps S. Out of Time, Out of Place: Reenacting the Past of Foreign Country // Public History Review. 2001. № 9. P. 61-69.
- Hochbruck W. Between «Living History» and Pageantry: Historical Reenactments in American Culture // Beyond the mainstream. Contemporary drama in English / Ed. by P.P. Schierer. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2005. P. 93-105.
- Hochbruck W. Geschichtsthe a theatre. Formen der «Living History». Eine Tipologie. Bielefeld: Transcript – Verlag für Kommunikation, Kultur und soziale Praxis, 2013. 152 S.
- O'Brien Backhouse M. Re-enacting the Wars of the Roses: History and Identity // People and their past. Public History Today / Ed. by P. Ashton and H. Kean. N.Y.: Pelgrave Macmillan, 2009. P. 113-130.

Клюев Артем Игоревич, преподаватель кафедры всеобщей истории исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; kluevartem@mail.ru

Свешников Антон Вадимович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; pucholik@rambler.ru

Discourse identity of the modern historical re-enactor (on the material of medieval clubs of historical reconstruction)

One of the specific forms of "working with the past", typical for contemporary culture, as a result of the bizarre interaction of professional historical with non-professional post-modernist methods, is the so-called historical re-enactment movement. It emerged in Russia in the late 1980s as a result of a transfer from Western mass culture, this form of "work with the past" is gaining popularity. The article analyzes the main forms of activity of modern medieval clubs of historical re-enactment, as well as the cultural mechanism for the formation of the social identity of the modern Russian re-enactor.

Keywords: historical re-enactment, historical culture, work with the past, medievalism, discourse, discourse identity, subculture, culture of participation, the image of the past, the image of history

Artem Klyuev, lecturer of Chair of general history in Dostoevsky Omsk State University, kluevartem@mail.ru

Anton Sveshnikov, Doctor of History, Professor of Chair of general history in Dostoevsky Omsk State University, pucholik@rambler.ru